

**Сергей Михайлович Степняк-
Кравчинский**

Андрей Кожухов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский**
Андрей Кожухов / Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 226 с.

ISBN 978-5-4241-1716-9

Переиздание известного романа о революционерах-народниках.
Для старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-4241-1716-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Степняк-Кравчинский Сергей
Михайлович
Андрей Кожухов

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский

Андрей Кожухов

Роман

Переиздание известного романа о революционерах-народниках.

Для старшего школьного возраста.

Содержание

Е. Таратуга. Революционер-писатель

Часть первая. ЭНТУЗИАСТЫ

Глава I. Наконец

Глава II. В уединении

Глава III. На границе

Глава IV. Новые впечатления

Глава V. Два друга

Глава VI. Смешанная компания

Глава VII. Первое отличие Тани

Глава VIII. Размышления Репина

Глава IX. Новообращенная

Глава X. Стихи Жоржа

Часть вторая. ПОД ОГНЕМ

Глава I. Снова Давид

Глава II. Конспиративная квартира

Глава III. В ожидании

Глава IV. Новый план

Глава V. Схватка

Глава VI. Приключения Василия

Глава VII. Зина у себя дома

Глава VIII. Неожидаемое осложнение

Глава IX. За общей работой

Глава X. Кризис

Глава XI. Передышка

Часть третья. ВСЕ ДЛЯ ДЕЛА

Глава I. Заика

Глава II. В храме Фемиды

Глава III. Борьба с препятствиями

Глава IV. Поучительное зрелище

Глава V. Прощальное письмо

Глава VI. Великое решение

Глава VII. У себя дома

Глава VIII. Два поколения

Глава IX. Сон Андрея

Глава X. Прощание

Глава XI. Последняя прогулка по городу

Предисловие автора

РЕВОЛЮЦИОНЕР-ПИСАТЕЛЬ

Спартак, Овод, Андрей Кожухов... Эти три героя всегда стоят рядом в нашем воображении. Рядом они стояли всегда в жизни многих русских революционеров начала XX века.

Жена замечательного революционера, одного из организаторов Советской власти, Якова Свердлова пишет в своих воспоминаниях: "Читать Яков научился сам, без посторонней помощи, и вскоре любимыми его авторами стали такие писатели, как Степняк-Кравчинский, Джованьоли, Войнич. Яков увлекался подвигами Спартака, борьбой Андрея Кожухова и Овода..."

Именно эти романы были любимыми книгами Николая Островского. Именно об этих произведениях говорит Павел Корчагин: "Книги, в которых были ярко описаны мужественные, сильные духом и волей революционеры, бесстрашные, беззаветно преданные нашему делу, оставляли во мне неизгладимое впечатление и желание быть таким, как они".

"Спартак". "Овод". "Андрей Кожухов".

Хотя создатели этих романов родом из разных стран - итальянец Рафаэлло Джованьоли, англичанка Этель Лилиан Войнич и русский С.М.Кравчинский, известный под псевдонимом "Степняк" - и герои их принадлежат разным странам и эпохам, в сердце русского читателя они слились в один образ борца за свободу.

Но, пожалуй, самое удивительное в том, что все эти разные книги русский читатель узнал благодаря одному человеку - С.М.Степняку-Кравчинскому.

Это Степняк-Кравчинский первый перевел роман "Спартак" на русский язык. Это Степняк-Кравчинский написал роман "Андрей Кожухов". Это Степняк-Кравчинский вдохновил Э.Л.Войнич на создание романа "Овод" и в какой-то степени был прообразом его героя.

Переводчик, автор, вдохновитель...

Все это произошло совсем не случайно.

Сергей Михайлович Кравчинский действительно был одним из самых замечательных, необыкновенных людей в русском революционном движении, в русской литературе, в общественном движении XIX века.

В плодородных степях Украины, между Херсоном и Кривым Рогом, почти затерялось маленькое село со странным названием Новый Стародуб. И сейчас его найдешь далеко не на всякой карте, хотя в этом селе два богатых колхоза и шесть школ а сто с лишним лет назад это было и вовсе небольшое поселение. Здесь тогда был расположен кавалерийский полк. В семье главного лекаря ново-стародубовского военного госпиталя Михаила Кравчинского 1 (13) июля 1851 года родился мальчик. Назвали его Сергей.

О детстве и юности Сергея Кравчинского известно очень мало. Какой он был - забияка и драчун или задумчивый и тихий, мы не знаем. Учился он далеко от дома - в военной гимназии в Орле, потом в военном училище в Москве, а затем в артиллерийском училище в Петербурге. Но странный, однако, это был артиллерист. Об этом времени сохранились воспоминания его друзей. Из всех предметов больше всего Сергея интересовала история. Превосходно успевал он и по иностранным языкам. Военные науки также изучал пристально и внимательно.

Но все свободное время молодой артиллерист проводил за книгами. Ни веселые пирушки будущих офицеров, ни зазорные игры молодежи не привлекали его. В комнате у него был только один стул, на котором сидел он сам, - чтобы никто с пустой болтовней и досужими сплетнями не задерживался у него.

Но это не значит, что у него не было товарищей. Были. Небольшой круг серьезных, мыслящих юношей. Только в комнате беседовать им было опасно, ибо,

как тогда говорили, "и у стен есть уши". Товарищи собирались на полянках в лесу или у кого либо на частной квартире. Обсуждали прочитанные книги произведения Чернышевского, Писарева, "Историю цивилизации в Англии" Бокля, "Исторические письма" П.Миртова, "Положение рабочего класса в России" Н.Флеровского, изучали революционное движение во Франции.

Кроме русских книг Сергей усиленно штудировал толстую книгу, недавно вышедшую на немецком языке, - "Karl Marx - Der Kapital".

Окончив артиллерийское училище и прослужив год подпоручиком, Сергей вышел в отставку.

Народ! Благо народа! Борьба за это благо - вот отныне его цель в жизни. Он не может служить в армии, угнетающей народ. Он поступил в Земледельческий институт. Решил изучить сельское хозяйство. В России - крестьянской стране это самое важное.

Ему нет еще и двадцати лет - он уже пылко агитирует за социализм среди учащихся артиллерийского училища, среди рабочих за Нарвской заставой

В это время он вошел в кружок, объединявший самую прекрасную молодежь того времени, - так называемый кружок "чайковцев".

Члены этого кружка - его друзья на всю жизнь, до самой смерти. Петр Кропоткин, Соня Перовская, Дмитрий Клеменц, Николай Морозов. Еще никто не знает, что первый из них станет крупным ученым, идеологом международного анархизма, что вторая героически осуществит организацию казни российского самодержца Александра II и сама трагически погибнет на эшафоте, что третий, насильственно оторванный от борьбы, не сломится и в глухой Сибири и станет известным этнографом, а четвертый, после 25 лет заключения в Шлиссельбурге, доживет до Великой Октябрьской социалистической революции, будет почетным академиком наук СССР, станет свидетелем героизма советского народа во время Великой Отечественной войны, увидит День Победы.

И никто не знает, что он сам, Сергей Кравчинский, переименовав десятки имен С. Михайлов, Абрам Рублев, Владимир Джандиеров, Шарль Обер, С. Горский, Никола Феттер, С. Штейн и другие, станет всемирно известным писателем под именем "Степняк".

Друзья его очень любят. И он страстно любит друзей.

Он всегда один из первых. Решили что надо сейчас, не откладывая, немедленно нести идеи социализма в народ. И Сергей бросает институт, переодевается пильщиком и идет "в народ", ходит по деревням, призывая к бунту.

Конечно, его сразу арестовали. Но через сутки он уже был на свободе. Распропагандированные им крестьяне помогли ему бежать. И теперь, уже на всю жизнь он - нелегальный.

Жандармы нескольких губерний ищут убежавшего, во все концы империи идут шифрованные телеграммы. Арестовывают и допрашивают друзей Кравчинского. Друзья единодушно восторженно отзываются о Кравчинском, хотя это может ухудшить их участь. Но это неудивительно. Удивительно, что жандармский полковник, ведущий следствие по делу Кравчинского, в докладной записке на имя Александра II восторженно отзываясь о молодом пропагандисте, высказывая сожаление, что такие талантливые люди не служат царю и отечеству.

Но Кравчинский служит отечеству, хотя и не так, как желал бы жандармский полковник. Он пропагандирует социализм всеми возможными способами - ведет

занятия в рабочих кружках и пишет брошюры в виде сказок. В этих сказках рассказывает русским крестьянам и рабочим о международном товариществе рабочих - Интернационале, о мудром Карле Марксе.

Кравчинскому нельзя жить в России - полиция следует за ним по пятам. И он уезжает за границу Швейцария, Франция, Бельгия, Англия, Италия, западные славянские страны. Изучает революционные, национально освободительные движения в этих странах, принимает в них участие.

Так же как он сам спасаясь от жандармов принимает разные имена, так же под различными названиями выходят в Лондоне его пропагандистские сказки. Например, "Сказка о Мудрице Наумове" выходит под названием "Сказка говоруха", а на другой обложке этой же сказки значится "Приключения пошехонцев". И всюду обозначено, что книжка издана в Москве и дозволена цензурой.

Эти сказки читали в рабочих кружках в России. За этими сказками охотились жандармы.

А сам Сергей поехал сражаться в южнославянские земли, помогать повстанцам против турецкого ига. А потом в Италии вместе с друзьями поднял знамя восстания в защиту крестьян. Там его арестовали с оружием в руках. Девять месяцев просидел он в тюрьме. Но он не унывал и не терял времени читал много, изучал историю разных стран, штудировал Маркса. Тут умер итальянский король, и новый, взошед на престол, амнистировал узников.

Заточение не истомило Сергея - он был здоров, бодр, полон энергии. Пешком - денег у него не было ни сантима - он пришел из Италии в Швейцарию, в Женеву, и встретил там товарищей, которые тоже вынуждены были бежать из России. Вместе с ними стал издавать журнал "Община". Это было начало 1878 года.

Тут из Петербурга пришла весть о покушении Веры Засулич на генерала Трепова. Этот Трепов приказал высечь одного политического заключенного, который якобы не так приветствовал генерала, как ему полагалось по чину. От лица молодой России, от лица честных людей Вера Засулич стреляла в Трепова, чтоб не повадно было сатрапам издеваться над людьми.

Восторг охватил Кравчинского. Ему казалось издавека, что вся Россия пробуждается от сна, рвет цепи рабства. Если уж девушки карают царских слуг за произвол и насилие!..

Кравчинский написал восторженный панегирик в честь этой неведомой ему девушки и напечатал его в журнале "Община" за своей полной подписью. Одновременно Кравчинский писал статьи об итальянском освободительном движении, редактировал статьи друзей.

Но Кравчинский мечтал вернуться в Россию. Там настоящая борьба. И вот в мае 1878 года он в Петербурге. Его пьянит родной воздух, встреча с друзьями. Все действительно так, как он ожидал: все оживленны, деятельны. Это уже закаленные бойцы. Грезы их молодости исчезли, они не тешат себя несбыточными иллюзиями и готовятся к долгой, упорной борьбе с самодержавием.

Кравчинского встретили с радостью. Одно его присутствие сулило удачу. Одно его присутствие создавало особую атмосферу нравственной чистоты, правдивости, искренности, доверия. При нем невозможно было сфальшивить, при нем люди становились лучше, чище, сильнее.

Но скольких нет вокруг... Закончился процесс революционеров-пропагандистов, по которому судили 193 человека. Десятки самых близких, самых дорогих

друзей Кравчинского заточены в казематы, сосланы в Сибирь.

Буквально через два-три дня после приезда в Петербург Кравчинский пишет прокламацию "По поводу нового приговора", обличая в ней "бесчеловечность, зверство, попрание всех человеческих прав, лицемерие и низость" царского правительства.

В этой прокламации Кравчинский призывал своих соратников отдать все силы, все помыслы, всю энергию на борьбу с самодержавием.

Прокламация была тотчас же нелегально отпечатана в Петербурге.

Кравчинский устраивает большую подпольную типографию, вербует новых членов в партию "Земля и воля", названную так по его предложению в знак продолжения борьбы революционеров шестидесятых годов, организация которых называлась "Земля и воля".

На прожитые, так же как в студенческие годы, Кравчинский зарабатывает переводами. Он переводит и статьи, и целые книги с немецкого, английского, французского. Но этому он уделяет немногие часы. А все дни его целиком заняты борьбой.

Знали друзья и минуты радости. В это лето совершено было немало удачных побегов. С ликованием встречал Кравчинский своих соратников, бежавших из тюрьмы и ссылок. Как смело, как дерзко, обманув жандармов, бежала его давняя приятельница по кружку "чайковцев" Соня Перовская. Как ловко освободил троих друзей из киевской тюрьмы, нанявшись туда надзирателем, Михаил Фроленко.

И самая прекрасная девушка на свете, их соратница Фанни Личкус, любит Сергея, согласна стать его женой.

Но он не может забыть товарищей, замурованных заживо, он слышит их предсмертные стенания. Это генерал-адъютант Мезенцев, шеф жандармов, начальник Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии, виновен в их гибели. Это он препятствовал смягчению участи приговоренных по процессу 193-х. Это он приказал казнить Ивана Ковальского в Одессе.

Так пусть узнают царские слуги, что нет более покорной России, смиренно взирающей на гибель лучших сынов своих. Он сам, Сергей Кравчинский, который не тронет дворнягу, убьет шефа жандармов. Смерть за смерть!

Газетные шавки обвиняют революционеров в трусости - мол, стреляют изда-лека, чтоб самим спастись. Нет, он встретит врага лицом к лицу - он убьет его кинжалом. Итальянские партизаны научили его владеть этим оружием храбрых. Он привез с собой такой кинжал.

И ясным августовским утром, простившись с невестой, он идет на верную гибель. Он идет на Михайловскую площадь, где каждое утро прогуливается этот палач.

Неслыханная удача! Палач убит. Ему удалось скрыться.

Весь Петербург в смятении, столица будто на военном положении. Вся полиция по личному распоряжению царя ищет смельчака. А он здесь, ходит по мостовым столицы, пишет брошюру с объяснением мотивов покушения.

И любовь, единственная на всю жизнь, - Фанни стала его женой.

Сколько вокруг Кравчинского прекрасных людей - красивых, смелых, мужественных! Они все живут под чужими именами, по фальшивым паспортам, они

терпят всевозможные лишения, нередко голодают, разлучены с родными, каждую минуту их ждет арест и смерть, но они сильны своей идеей, своей борьбой за землю и волю, за благо народа. Их семья - друзья. Их символ веры социализм. Они не признают ни бога, ни царя.

Престол, армия, чиновники, полиция - кажется, вся Россия против них. Их преследуют, ловят, казнят.

Но нет, они - тоже Россия!

От имени вольной России они говорят нелегальными изданиями. Вышла брошюра Кравчинского об убийстве Мезенцева "Смерть за смерть!". Выходит первый номер их газеты "Земля и воля". Этот номер редактировал Кравчинский. Он же и написал передовую статью.

Царь и его подручные неистовствуют. Смелчак не пойман. Каждый день появляются новые крамольные издания. Преследования становятся все яростнее. Обшаривают каждый дом. Просматривают всю корреспонденцию столицы. Тщетно. Хватают направо и налево. Сначала все мимо...

Но вот арестован один из друзей Кравчинского, помогавших ему при покушении на Мезенцева. Все меньше квартир, где можно переночевать нелегальному.

Нельзя, нельзя, чтобы враги восторжествовали, поймав смельчака. Друзья умоляют Кравчинского скрыться. Но он верит в свою звезду. Тогда друзья поручают Кравчинскому испытать новые составы взрывчатых веществ. Это опасно. Это можно сделать только в горах Швейцарии

Так он уехал из Петербурга в ноябре 1878 года. На несколько дней. Оказалось - навсегда...

Начались тяжкие годы изгнания. Фанни также приехала из Петербурга. Каждый день их томила тоска по родине, невозможность возвращения, горькая нужда.

Каждый день он жил мечтой о возвращении на родину. Но поездка в Россию была для него крайне опасной. Приметы его были разосланы по всей империи. Внешность его была столь незаурядной, что замаскироваться ему было невозможно. Конечно, он мог сбрить маленькую курчавую бородку и буйную шевелюру, мог так изменить одежду, чтобы в ней не осталось ничего крамольного, - недаром же летом 1878 года он, живя по паспорту грузинского князя, вполне удачно разыгрывал его роль, расхаживая в элегантном цилиндре и изысканном костюме.

Но как спрятать этот слишком высокий, огромный лоб благородных очертаний, как притушить эти карие глаза, слишком глубоко сидящие под крутыми бровями, что делать с этими слишком толстыми яркими губами, куда девать эти могучие плечи? Как изменить весь этот характерный, неповторимый облик? Как уничтожить осанку, полную сознания собственного достоинства, достоинства человека, а не раба?

Арест означал для него неминуемую смерть. Друзья это понимали и всячески оттягивали срок его возвращения на родину. А без их содействия это было невозможно. Но вот однажды друзья сообщили Кравчинскому, что без него не могут обойтись и чтобы он готовился к поездке в Россию.

В эти дни Кравчинский писал жене (из одного городка Швейцарии в другой):

"Знаешь, я убежден, что нам будет теперь так же хорошо, как в России. В России совсем особое чувство наслаждения собственным существованием, свободой, всем, потому что чувствуешь, что все это может исчезнуть каждое мгновение, и нужно ловить счастье на лету. Теперь, раз поездка в Россию дело решенное и близкое, это ощущение возобновляется". (Это неопубликованное письмо хранится в архиве.)

Но вскоре друзья решили не рисковать жизнью Кравчинского, и поездка его была отложена. А между тем пребывание его в Швейцарии было небезопасным. Царское правительство пустило шпионов по его следу в Швейцарии. Ему приходилось и здесь скрываться, менять имена

Несмотря на тяжкую нужду, Кравчинский и здесь не складывал оружия. Пока ему оставалось только одно - печатное слово. Он стал переводить для русских журналов разные произведения европейских писателей. Но ему вовсе не все равно было, что переводить. Он выбрал для перевода роман итальянского писателя, соратника Гарибальди в борьбе за свободу Италии - Рафаэлло Джованьоли, - "Спартак". Этот роман появился в русском журнале "Дело" в 1880 и 1881 годах, а потом вскоре вышел отдельным изданием.

Так Сергей Кравчинский дал в друзья русскому читателю отважного вождя гладиаторов.

В России назревали события. Революционеры искали новых путей борьбы. Мирная пропаганда была невозможна. Партия "Земля и воля" раскололась на две партии: "Народная воля" и "Черный передел". Исполнительный комитет партии "Народная воля" вынес смертный приговор русскому самодержцу, и все ее силы были направлены на исполнение этого приговора. "Черный передел" стоял за продолжение пропаганды.

К началу 1881 года стало очевидно, что инициативу революционной борьбы в России держит "Народная воля". Создав сильную, строго законспирированную организацию, она регулярно выпускала свою газету и предпринимала всевозможные меры для уничтожения Александра II.

Кравчинский считал себя народовольцем, хотя формально к партии не принадлежал, так как не был в России, и во многом расходился с ними во взглядах.

Теперь, как и раньше, он не особенно вникал в теории, ему чужды были стремления к точности формулировок, бесконечные споры о тех или иных суждениях, пунктах и т.п. Он жаждал действия.

Многие друзья уезжали в Россию. Всем сердцем, всеми помыслами Кравчинский был там, на родине, а вместо этого ему приходилось заниматься переводами, скрываясь от преследований шпионов.

Весной 1881 года весь мир узнал о событиях в России. 1 марта - в Западной Европе было уже 13 марта - народовольцы убили Александра II.

Приговор деспоту приведен в исполнение.

Но как дорого заплатили революционеры за свою призрачную победу! Аресты, аресты, аресты. Гибель лучших из лучших.

Уцелевшие товарищи поняли, что теперь без Кравчинского им не обойтись, и, каков бы ни был риск, его вызвали в Россию.

Ликующий Кравчинский писал жене:

"Фаничка, милая! Еду!..

Я еду, еду, туда, где бой, где жертвы, может быть, смерть!

Боже, если б ты знала, как я рад, - нет, не рад, а счастлив, счастлив, как не думал, что доведется еще быть! Довольно прозябания!

Жизнь, полная трудов, быть может, подвигов и жертв, снова открывается предо мной, как лучезарная заря на сером ночном небе, когда я уже снова начинал слабеть в вере и думал, что еще, может быть, долгие месяцы мне придется томиться и изнывать в этом убийственном бездействии между переводами и субботними собраниями!..

Чувствую такую свежесть, бодрость, точно вернулись мои двадцать лет. Загорается жажда - давно уснувшая - подвигов, жертв, мучений даже, да! Все-все за один глоток свежего воздуха, за один луч того дивного света, которым окружены их головы Да, наступил и для меня светлый праздник...

Признаюсь, однако, радость моя не без облачков. Мне грустно, что я так мало могу оправдать надежды, которые возлагают на меня мои друзья. Проклятая работа из-за куска хлеба не дала мне никакой возможности запастись новыми знаниями В этом отношении я уеду таким, каким уехал Но зато эта же каторжная работа дала мне много выдержки и упорства в труде, которых тоже у меня не было.

Но все-таки грустно! Как бы я хотел обладать теперь всеми сокровищами ума, и знания, и таланта, чтобы все это отдать беззаветно, без всякой награды для себя лично, им, моим великим друзьям, знакомым, и незнакомым, которые составляют с нашим великим делом одно нераздельное и единосущное целое!

Что ж! Отдам что есть..."

Он писал это письмо огромными прыгающими буквами, строчки поднимались вверх и зигзагами опускались вниз, да вообще строк как будто и не было отдельные слова, как победные клики. (Это письмо еще нигде не напечатано. Хранится в архиве)

Сергей Кравчинский весь отразился в этом письме. Тот, кто прочитает его книги - "Подпольную Россию", "Андрея Кожухова", - увидит, что одна и та же рука писала книги для тысяч читателей и это письмо любимой женщине-товарищу. Таков был строй его слов, его мыслей и чувств.

Однако неделя проходила за неделей. Из России поступали только страшные вести. Никакого переворота, на который надеялись народовольцы, не совершилось На место убитого взшел новый царь Александр III

А рано утром 3 апреля на Семеновском плацу в Петербурге веревка палача оборвала жизнь участников покушения, отважных народовольцев, друзей Кравчинского

Неужели их подвиг был напрасен? Неужели их имена исчезнут бесследно?

Теперь мы знаем, что теория и практика их были ошибочны, но их действия были продиктованы горячей любовью к родине, а личности героичны. Не умея постичь законов развития общества, они вступили в единоборство с самодержавием, полные решимости отдать жизнь за свободу и счастье родного народа. И погибли.

...Отъезд Кравчинского в Россию опять был отложен Это было мучительно. А тут шпионы снова устроили преследования. И в Швейцарии ему больше оставаться невозможно. Объявив всем знакомым, что он уезжает в Англию, Кравчинский ушел (пешком, так как денег не было) из Швейцарии в Италию. Так он очутился в двойном изгнании - эмигрант в эмиграции